

Глава 42. Подарок

В глазах любой самки представителя Ассоциации по защите самцов были сродни стихийному бедствию, против которого они были совершенно бессильны. В подобных делах последнее слово всегда оставалось за господином, и то, что Майлунь и его люди ушли ни с чем, красноречиво свидетельствовало об одном: Повелитель А-Но не выдал свою супругу.

Сам Чу Суй и не подозревал, что в Сети кипят нешуточные страсти, а жители планеты инсектоидов едва ли не провозгласили его образцом идеального мужа. Закончив с обедом, он вернулся в спальню и, вольготно устроившись в кресле, принялся коротать время за игрой на оптическом компьютере, пока переваривалась пища.

А-Но, прибравшись на кухне, вскоре поднялся следом. Он опустился на колени у ног господина, облачённый в безупречно сидящий военный мундир — строгий, застёгнутый на все пуговицы, без единой лишней складки.

— Повелитель, — негромко произнёс он. — В штабе возникли срочные дела, требующие моего присутствия. Мне нужно отлучиться.

Чу Суй, увлечённый игрой, даже не поднял головы:

— А, ладно, иди.

Некоторые господа запрещали своим супругам работать, запирая их дома ради собственного комфорта, но Чу Суй не страдал подобным маразмом. Если А-Но не будет работать, то откуда возьмутся деньги? А если не будет денег, то на что он сам будет жить?

Генерал-майор, кажется, и не сомневался в ответе. В его синих глазах, обычно холодных, словно вековые льды, проступила едва заметная теплота.

— Благодарю вас. Я вернусь к ужину.

Он поднялся и бесшумно вышел, аккуратно притворив за собой дверь.

Вооружённые силы Империи делились на четыре системы, отношения между которыми всегда были довольно натянутыми. Раньше А-Но сражался на передовой, но из-за угрозы «кровавого безумия» его перевели в тыл. Сейчас он занимал административную должность в Четвёртом легионе — обычная участь для военных самок, обременённых браком.

Из-за свадебного отпуска А-Но довольно долго не появлялся в штабе. По возвращении коллеги засыпали его дежурными вопросами, но за вежливыми словами скрывалось жадное любопытство. Всем хотелось знать: не подвергся ли он истязаниям со стороны нового мужа, как это часто бывало с другими?

Однако генерал-майор держался как обычно. Ни в его движениях, ни в осанке не было и следа травм. Его адъютант Фэйди, невольно вспомнив страшные шрамы, которые видел на спине командира во время прошлого визита, не удержался от мимолётного взгляда на его плечи, но тут же отвёл глаза и принялся докладывать о текущих делах.

А-Но слушал его вполуха. Войдя в кабинет, он опустился в кресло и, сохраняя бесстрастный вид, активировал терминал.

— Проследи за семьёй Капе в ближайшие дни, — распорядился он. — О любом их шаге докладывай мне немедленно.

Фэйди догадывался о причинах такой осторожности — новости о скандале в Сети не утихали. Он с тревогой произнёс:

— Капе Ици затаил на вас обиду из-за того, что вы отказали ему. Если он начнёт распространять лживые слухи, это может стать серьёзной проблемой. К тому же ищайки из Ассоциации по защите самцов — те ещё стервятники. Может быть, нам стоит...

Он замолчал на полуслове, сделав выразительный жест, намекающий на негласное решение вопроса.

А-Но наконец взглянул на него. Он откинулся на спинку кресла, задумчиво постукивая пальцами по краю стола. В его светлых глазах застыла непроницаемая глубина.

— Ещё не время. Мы пока не полностью контролируем Четвёртый легион. Не нужно спугивать добычу раньше срока.

Фэйди кивнул, но тут же внёс другое предложение:

— Тогда, может быть, попросить господина Законодателя вмешаться и переговорить с семьёй Капе?

Тот помедлил и кратко бросил:

— Не нужно.

А-Но снял колпачок с ручки и вытянул стопку документов, но рука его замерла. Перо застыло над бумагой, оставляя расплывающееся чернильное пятно.

Молодые самки ещё могли надеяться на крохи внимания, но что ждало их в старости, когда красота увянет? Генерал-майор вспомнил своего отца, вечно холодного и покинутого в стенах родового поместья. Пальцы его дрогнули, и ручка прочертила по белому листу кривую, рваную

линию — словно вскрыла нарыв старых воспоминаний.

В детстве, проходя мимо дверей отцовских покоев, он часто слышал глухие стоны и резкие, свистящие удары плети о плоть.

Это повторялось снова и снова...

Тогда А-Но не понимал, почему это происходит. Отец лишь бледнел и просил его не вмешиваться. Позже, повзрослев, он всё осознал.

У них не было выбора. Каждое поколение лишь повторяло горький путь своих предков. И когда у А-Но появился Повелитель, всё то, через что прошёл его отец, обрушилось и на него самого.

Но никто не находил в этом ничего странного. Общество было устроено именно так. Они были подобны туго скрученным пружинам — деформированные, искалеченные, но не знающие иной жизни.

Внезапно в его сознании всплыл образ Чу Суя. Чёрные глаза, тёмные волосы... Сначала он казался обычным представителем своего сословия: ленивым, вспыльчивым, готовым схватиться за плетень по малейшему поводу. Но потом что-то изменилось. Он перестал поднимать руку и — невероятно — уже несколько раз защитил его.

А ещё та ночь...

А-Но прикрыл глаза, вспоминая почти нежные поцелуи и жадные прикосновения. Горячее дыхание мужа, казалось, до сих пор обжигало его кожу. Он всегда верил, что его тело способно вынести любую боль, но под ласками Чу Суя вся его воля рассыпалась в прах за одно мгновение.

***

Жизнь Чу Суя текла в привычном русле праздности. Он играл, жевал сладости, спал или тратил деньги на покупки в Сети, нимало не заботясь о грядущем.

Система, глядя на это бесцельное существование, всерьёз опасалась за свою карьеру. Она подлетела к Чу Сую и легонько хлопнула его крылышком по голове:

[Вы хоть помните, как умерли в прошлой жизни?]

Тот, не отрываясь от экрана, бросил:

— Помню, конечно. И что с того?

Тогда Союз Свободы поднял мятеж и захватил власть в Империи. Девяносто девять процентов самцов пошли под нож, и он просто оказался в их числе.

Система в очередной раз поразила его поразительному пофигизму.

[Неужели вы совсем не думаете о своём будущем?]

К её удивлению, Чу Суй ответил:

— Вообще-то, я всё обдумал.

[Неужели?!] — Система была потрясена. Видимо, она слишком плохо о нём думала.

Столкнувшись с таким серьёзным вопросом, он даже отложил игру. Чу Суй сел на кровати, задумчиво потёр подбородок и выдал:

— Я тут поразмыслил... Раз уж мне всё равно суждено умереть рано или поздно, то лучше я проведу оставшееся время в своё удовольствие. Перепробую всё, чего ещё не пробовал. Тогда и умирать будет не так обидно.

Система: [...]

Ей и в страшном сне не могло присниться, что итогом его «размышлений» станет эта чушь.

[И... это всё?] — с надеждой спросила она, чувствуя, что это самый тяжёлый подопечный в её практике.

Чу Суй кивнул:

— Всё.

Системе хотелось спросить: «В чём тогда смысл твоего перерождения? Чтобы просто сдохнуть ещё раз?» Она заметалась по комнате, после чего снова зависла перед его лицом.

[Вам не жаль умирать таким молодым?]

Он посмотрел на неё как на умалишённую:

— Какой толк в моей жалости? Это другим должно быть меня жалко.

«Логично... в какой-то степени», — приуныла Система. Но сдаваться она не собиралась и вновь затянула свою поучительную волынку:

[Это в корне неверный подход! Человек — творец своей судьбы! Вы должны попытаться изменить свою участь собственными руками! Понимаете?!]

Чу Суй подумал, что ей легко рассуждать, хотя у неё нет ни рук, ни ног. Но её болтовня была заунывнее, чем молитва старого монаха. Он потёр уши и проворчал:

— Ладно, ладно, хватит зудеть. Надоела. Я подумаю об этом ещё раз, идёт?

Система почувствовала укол в самое сердце. Ей ещё ни с кем не приходилось столько разговаривать.

***

Тем не менее слова Системы оставили неприятный осадок. Игра больше не радовала, Чу Суй проиграл несколько партий подряд и в сердцах отбросил приставку. Он сел за стол, открыл поисковик и, помедлив, ввёл два слова: «Ланьсин».

Он делал это сотни раз и знал все результаты поиска наизусть. Но, кроме скупого описания, Сеть выдавала лишь одну размытую картинку.

Голубая планета, безмолвно парящая в пустоте. Белые вихри облаков, зелень равнин и островов... Поверхность её была почти целиком покрыта лазурью океанов. Окружённая мириадами звёзд, она выглядела пугающе прекрасной и недосыгаемой.

Чу Суй долго смотрел на изображение. Пути назад не было. Значит, нужно жить так, чтобы быть счастливым здесь и сейчас. Великие герои древности умирали за свою родину, но он-то не герой, чтобы приносить себя в жертву ради далёкого каменного шара в космосе.

Он закрыл вкладку и долго сидел неподвижно, пока солнце не начало клониться к закату, окрашивая комнату в багряные тона.

Земля исчезла миллионы лет назад, но солнце осталось прежним. Оно всё так же висело в бездне вселенной — вечное и неизменное.

А-Но вернулся в шесть вечера. Он поднялся на второй этаж и осторожно приоткрыл дверь. Чу Суй сидел в кресле, поджав ноги, и отрешённо смотрел в окно. Свет он не включал, и его силуэт чётко выделялся на фоне пламенеющего заката.

— Повелитель... — негромко позвал генерал-майор, боясь разрушить это мгновение.

Он коснулся выключателя, и комнату залил мягкий свет. Чу Суй вздрогнул, осознав, что уже наступили сумерки. А-Но, как обычно, опустился на колени рядом с ним.

— Повелитель, что с вами? — тихо спросил он.

Чу Суй взлохматил волосы и спустил затекшие ноги на пол.

— Ничего, — буркнул он.

Тот принялся разминать его голени. Руки А-Но с длинными, сильными пальцами были безупречны, как произведение искусства.

— Что бы вы хотели на ужин?

Чу Суй, наевшийся за день сладостей, отмахнулся:

— Не хочу ничего.

Тот взглянул на пустые обёртки на столе и не стал настаивать. Когда онемение в ногах прошло, он убрал руки и, помедлив, достал из кармана узкий футляр из чёрного бархата.

— Сегодня я проходил мимо лавки... Вещь показалась мне красивой, и я купил её для вас. Надеюсь, вам понравится.

Самки часто дарили подарки, пытаясь снискать расположение господ, но А-Но редко прибегал к подобным жестам — обычно он просто отдавал Чу Сую свои кредитные карты.

Повелитель удивлённо вскинул брови. Он взял футляр и открыл его. Внутри на атласной подложке лежала изящная серебряная цепочка с подвеской в виде лазурного стеклянного шара, пронизанного зелёными узорами. Внутри него словно играл живой свет. Шар выглядел в точности как Ланьсин.

Чу Суй замер. На его лице не отразилось ни радости, ни гнева.

Не дождавшись ответа, А-Но решил, что подарок не пришёлся по вкусу.

— Я случайно оказался рядом с Планетарием, — негромко пояснил он. — Там продавали сувениры в виде планет. Был вариант с Ланьсином, и я решил... Если вам не нравится, можете выбросить.

Не успел он договорить, как Чу Суй небрежно швырнул цепочку на стол. Стекланный шарик качнулся и с сухим стуком соскользнул на пол. Повелитель захлопнул футляр и, не глядя, бросил его в руки А-Но:

— Не нравится. Не трать деньги на всякую ерунду.

Тяжёлая коробочка ударила того в плечо, вызвав тупую боль. А-Но не успел её поймать, и футляр с глухим звуком упал на ковёр. Чу Суй уже отвернулся, погружённый в свои мысли.

А-Но едва заметно поджал губы.

— Простите... Я думал, это вас порадует.

Он нагнулся, чтобы поднять футляр. Окинув взглядом комнату, заметил цепочку, сиротливо лежащую в углу, и уже хотел подобрать её, чтобы выбросить, но Чу Суй отрезал:

— Выйди.

Тот замер, убирая руку.

— Слушаюсь.

Он бесшумно покинул спальню. Закрыв дверь, генерал-майор невольно коснулся ушибленного плеча. Постояв мгновение с опущенной головой, он медленно спустился вниз и выбросил бархатную коробочку в мусорную корзину.

Видимо, он просто не создан для того, чтобы очаровывать господ.

***

В последнее время Чу Суй предпочитал умываться в одиночестве. А-Но приготовил ему пижаму, привёл в порядок постель и ещё раз осмотрел стол, но цепочки там не было. В этот момент Повелитель вышел из ванной — как всегда недовольный и сонный.

А-Но подошёл к нему с полотенцем и принялся бережно вытирать его волосы. Его руки, привыкшие к тяжести оружия, двигались с поразительной нежностью, в которой не было и тени его обычной холодности.

Чу Суй вёл себя как истинный барин. Взглянув на часы, он погасил свет. Комната погрузилась во тьму.

— Я спать.

А-Но решил, что в его услугах больше не нуждаются, и направился к двери, но в тишине раздался голос мужа:

— Я разве разрешал тебе уходить?

Тот замер. Вспомнив, что сегодня уже рассердил господина, он послушно опустился на колени. Стук коленей о паркет эхом разнёсся в темноте. В скудном свете луны был виден лишь его неясный силуэт.

— Простите. Я готов понести наказание...

Чу Суй помедлил. В его голосе прорезалось странное любопытство:

— Плети-то больше нет. Как мне тебя наказать?

А-Но на мгновение задумался, после чего выхватил из-за пояса военный клинок. Он протянул его Чу Сую на раскрытых ладонях.

— Если пожелаете... вы можете использовать мой клинок.

Чу Суй не взял оружие. Он сидел на краю кровати, глядя на А-Но сверху вниз, после чего резко потянул того за галстук, заставляя приблизиться.

— С чего ты взял, что мне это понравится? — в его голосе было невозможно различить ни гнева, ни участия.

Галстук впился в горло А-Но, перекрывая дыхание. Прясть волос упала ему на глаза. Он вцепился в край матраса, стараясь удержать равновесие, и приготовился к неминуемой боли.

— Простите. Это была дерзость с моей стороны. Наказывайте...

— Хм, — отозвался Чу Суй. — Наказать тебя действительно стоит.

А-Но невольно сжал пальцы, оставляя вмятины на обивке. Он снова протянул клинок мужу, не сводя с него глаз в сумраке. Он был готов к острому прикосновению стали, но в следующую секунду Чу Суй выхватил его и отшвырнул в угол.

Сильный рывок — и А-Но повалился вперёд, оказавшись в тёплых и неожиданно надёжных объятиях.

— Я же сказал, что больше не буду тебя бить, — раздался над его ухом ворчливый голос.

А-Но прижался лицом к его груди. Сердце в его груди забилося в неистовом ритме. Внезапно он почувствовал на своей щеке нечто холодное и твёрдое. Присмотревшись, он узнал ту самую цепочку с «Ланьсином».

— Повелитель, вы...

Договорить он не успел. Мир качнулся, и А-Но оказался прижат к мягким простыням. Чу Суй навис над ним. Перед его глазами всплыла картина той ночи, когда А-Но, одурманенный ядом, плакал и стонал под ним.

— Подарок... сойдёт. Так что наказывать не буду, — прошептал Чу Суй, опуская лицо к его шее.

Он был так близко, что А-Но кожей чувствовал жар его губ. От феромонов мужа дыхание А-Но стало тяжёлым, воля покинула его тело, а силы словно испарились.

— Повелитель... — сорвался с его губ хриплый выдох.

Обычно холодный голос А-Но наполнился такой нескрываемой страстью, что это будоражило кровь.

Чу Суй накрыл его губы своими, медленно и властно сминая их, дразня кончиком языка.

— А-Но, — прошептал он в самые губы. — Будь сегодня... посмелее.

Это привычное имя в его устах зазвучало совершенно иначе — глубоко и интимно.

А-Но ещё никогда не целовался с ним в полном сознании. Он вздрогнул и неловко, робко обхватил Чу Суя за талию, стараясь ответить на поцелуй. Его кадык судорожно дёрнулся, он запрокинул голову, теряя связь с реальностью.

— Повелитель...

Безупречный мундир полетел на пол, превратившись в бесформенную грудку ткани.

Чу Суй оставил на супруге лишь белую рубашку, но и та уже была расстёгнута и сползла с плеч. Он заставил А-Но встать на колени на кровати, обхватил его со спины за узкую талию и принялся целовать его шею, плечи, жадно вдыхая его аромат.

— Повелитель... молю вас...

Глаза А-Но затуманились, на ресницах выступили слёзы наслаждения. Впервые в жизни он осознал, что ласка может сокрушить волю куда быстрее и надёжнее, чем любая боль. Его тело содрогалось в мелкой, лихорадочной дрожи.

Чу Суй переменял позу. Тонкая серебряная цепочка, которую он так и не выпустил из рук, обвилась вокруг его запястья и при каждом движении холодила белую кожу А-Но.

Чу Суй засмотрелся на игру света в стеклянном шаре, а потом заглянул в расширенные зрачки А-Но. Он решил, что глаза супруга всё-таки прекраснее любого сувенира. Он коснулся губами его век и прошептал на ухо:

— Твои глаза всё равно красивее.

С этими словами он снова накрыл его рот поцелуем, заглушая тихий стон. А-Но, окончательно потеряв рассудок, инстинктивно обвил шею мужа руками, отдаваясь во власть этой сладкой бури.

Нежное наслаждение оказалось сильнее любой дисциплины. И если раньше А-Но мог подняться с земли после жестоких побоев, то теперь в руках Чу Суя он мог лишь беспомощно ловить ртом воздух.

Его волосы намокли от пота, в синих глазах плескалась влага. В какой-то момент он попытался отстраниться, вспомнив, что должен помочь господину умыться, но Чу Суй прижал его обратно к подушкам.

— Утром помоемся.

До рассвета всё равно оставалось всего несколько часов.

Чу Суй, вконец измотанный, крепко обнял А-Но, нашёл удобное положение и затих.

А-Но вдыхал аромат своего Повелителя, кожей чувствуя тепло его тела. Сердце в его груди всё ещё колотилось, а по телу прокатывались волны затихающего экстаза. Он долго смотрел на спящего Чу Суя, после чего, поджав губы, поудобнее устроился в его объятиях и уснул.

***

Система обычно не беспокоила его по ночам. Лишь на следующее утро, когда Чу Суй нежился в ванне, она внезапно материализовалась рядом:

[Вы приняли решение?]

— О чём это ты? — лениво отозвался Чу Суй.

[О вашем будущем!]

Тот фыркнул:

— И что я могу решить? Поменять пол я не в силах.

В этом мире ещё не придумали технологий, превращающих самцов в самок.

Система поперхнулась от его логики. Её словно окатили ледяной водой.

[Вы... самый невозможный подопечный в моей практике. Неужели я прошу слишком многого?..] — пробормотала она.

Чу Сую стало обидно:

— И чего же ты обычно требуешь от других?

Система ответила глухим, безжизненным голосом:

[Исправиться, стать достойным членом общества, занять кресло генерального директора и достичь вершин успеха.]

Чу Суй смерил её долгим взглядом.

— А я?

[Вы?]

Система вздохнула:

[Просто живите долго и счастливо. Этого будет достаточно.]

<http://bllate.org/book/15807/1436467>